

«Слава Богу за всё!»

*Суббота пред Рождеством Христовым;
суббота 30-й седмицы по Пятидесятнице*

Лк., 72 зач., XIII, 18-29

Лк. 74 зач., XIV, 1-11

Сегоднешнее первое Евангелие — субботе пред Рождеством Христовым, второе — просто субботе.

Все субботы считаются от праздника Пятидесятницы, связаны с праздником Пасхи. Поскольку Пасха каждый год имеет разные даты, то соответственно и этот круг чтений все время движется по неподвижному богослужебному кругу, по числам. Рождество — под определенным числом: 25 декабря по старому, 7 января по новому стилю. Вот эти сочетания апостольских, евангельских чтений, которые читаются по дням седмиц, и рядовых чтений, кото-

рые приходятся на памяти святых, на неподвижные праздники, дают особое раскрытие того, что мы слышим в Церкви, в богослужении. В один год — одно сочетание, в другой — другое, но, поскольку всё в Священном Писании едино, Духом Святым написано, то во всем, только с разных сторон, мы видим одну и ту же евангельскую истину.

Как алмаз граненый блистает, когда поворачивается своими гранями, так многогранно в своей премудрости наше православное богослужение. Оно все время с разных сторон освещает одну и ту же истину. А истина эта заключается в сознании своей греховности, в покаянном чувстве, в смирении и обращении к Богу за помощью, в исправлении своей греховной жизни. Господь, посылая апостолов на проповедь, говорит: *Шедше в мир, проповедуйте Евангелие всей твари* (Мк. XVI, 15). Евангелие — значит благая весть. *Тако писано есть, и тако подобаше пострадати Христу, и воскреснути в третий день, и проповедатися во имя Его покаянию и отпущению грехов во всех языцех...* (Лк. XXIV, 46-47). Проповедь покаянного состояния и включает в себе всё Евангелие.

Свою проповедь святой великий Иоанн Предтеча начинает словами: *Покайтесь, приближитесь Царствие Небесное* (Мф. III, 2).

Иисус Христос, Сын Божий, начинает Свою проповедь тоже словами: *Покайтесь* (Мф. IV, 17). И далее раскрывает, что такое покаяние, покаянное чувство и каким образом двигаться по этому пути.

Господь сказал: *Аз есмь Путь и Истина и Жизнь* (Ин. XIV, 6). Истина — это то, к чему надо стремиться. Путь — как идти, как себя вести в жизни, чем,

собственно, жить. Все это содержится в образе Самого Спасителя. Поэтому Господь прямо то же самое, только в другом месте, говорит: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. XI, 29). И все евангельские притчи говорят о том же.

Завтра — воскресенье, Неделя пред Рождеством Христовым. Завтра будет читаться первое евангельское чтение от Матфея, и в нем будет родословная Спасителя, от Авраама до Иисуса Христа, до Рождества Христова. Завтрашний день называется Недельей святых отец. Перед этим была неделя святых праотец. Святые праотцы — это те, кто жил от Адама в ожидании пришествия Спасителя. Святые отцы жили уже в более близкое к нам время.

Сегодня первое Евангелие, субботы пред Рождеством Христовым, заканчивается такими словами: *И придут от восток, и запад, и севера, и юга, и возлягут в Царствии Божию*. Это означает, что Рождество Христово — для всего мира, а не так узко, как начали понимать представители иудейской иерархии и, соответственно, книжники и фарисеи, которые свои представления постепенно вложили и в народ: что Мессия придет только для избранного народа и что Он должен этот народ освободить, главным образом, от рабства земного, от владычества римлян, дать ему земную свободу и земное владычество.

Настолько сильно было это мнение, настолько крепко вложено в иудеев, что даже апостолы, прожив с Господом три с лишним года, все время внимая Его словам, даже уже после Воскресения Христова, после того, как Он прошел вратами

смерти и явился им, они, при всей своей высоте духовной, спрашивали: *Господи, аще в лето сие устроиши Царствие Израилево?* (Деян. I, 6).

Это свидетельствует о том, что для того, чтобы оторваться от земных представлений и перейти к представлениям духовным, войти в духовный мир, нужен очень большой подвиг. И, сверх того, без помощи Божией это просто и невозможно — сам человек все равно все время будет думать только о земном. Пророки это тоже чувствовали и говорили об этом от лица Господа: *Не суть совети Мои, якоже совети ваши, ниже якоже путиé ваши, путие Мои. Но якоже отстоит небо от земли, тако отстоит путь Мой от путей ваших и помышления ваша от мысли Моея* (Ис. LV, 8-9).

Поэтому учение евангельское, учение Божественное, изрекаемое Самим Сыном Божиим, трудно воспринимается. И до сих пор мы, большей частью, и очень даже большей частью — земные и мирские. Нам многое непонятно, особенно в притчах.

Вот притча, где говорится о Царствии Божиим.

Кому подобно есть Царствие Божие? И кому уподоблю е? Подобно есть зёрну горюшну, еже приём человек вверже в вертоград свой, то есть сеет в саду своем, и возрастé, и бысть древо велие и птицы небесныя вселюшася в ветвия его...

Что это такое? Это то, о чем когда-то сказал пророк Давид в самом первом псалме: *Блажен муж... И будет яко древо насажденное при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадёт...* (Пс. I, 1-3).

Вот видите, Псалтирь, писанная пророком Давидом, раскрывает образ притчи. Это уже было сказано: дерево, — то есть, значит, Царство Небесное —

живое, как дерево. Сказано также, что *при исхо́дищих вод*, то есть что оно должно питаться благодатью Божией, чтобы укрепляться. Благодать дает определенный строй душе.

Почему Господь упомянул о птицах? Вот пророк Давид говорит о плодах. Да как раз сегодня в апостольском чтении тоже было: *Плод духовный есть любви, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. V, 22-23). Если Царствие Божие есть внутри человека, то оно должно давать плод духовный. Какой плод — апостол раскрывает...

Всё в Священном Писании в каждом случае собирается, как в фокусе. Что такое птицы небесные? Птицы небесные — это образ мыслей духовных: «Мысли Мои — не мысли ваши». Мысли, строй мышления, проникнутый евангельским духом.

В основе всего лежит душа человеческая, ее чувства, ее стремления, воля. Если строй душевный евангельский, то и строй мыслей, и вся жизнь — тоже евангельские.

Следующая притча тут же добавляет: *Кому уподоблю Царствие Божие? Подобно есть квасу, еже приёмыше жена, скры в муце са́та три* (в трех мерах), *дóндеже вскíсе все*.

Куда же вложена эта закваска, которая заквасила всё? Что это такое — три меры? Почему — три? Почему не две, не одна? Или почему не сказано просто: «положила в муку, доколе не вскисло всё»? Ведь иногда же говорится: *человек некий; в весь некую...*

Это не случайно сказано. Всё пронизывает евангельский дух: и дух, и душу, и тело, — всё должно быть едино. И Царствие Божие раскрывается имен-

но в том человеке, у которого всё: и мысли, и чувства, и дела (тело творит дела), — пронизано евангельским духом. Вот что значит образ Царствия Божия в словах: *дбндеже вскйсе все*.

И еще здесь один образ есть. Сказано: *и возрастё, и бысть древо велие*. А вы представляете себе, сколько нужно времени, чтоб дерево *велие* выросло? Да порядочно. Пожалуй, лет шестьдесят, семьдесят. Значит, когда в душу что-то проникает, то наивно сразу ожидать: а каков результат? Как ребенок — сунул семечко в землю и бегаёт смотреть то и дело: ну, что там выросло? Это у нас вызывает улыбку. А мы поступаем в жизни точно так же. Это особенно наглядно видно теперь, когда люди приходят в Церковь во взрослом состоянии, но в духовной жизни — совершенно младенцы, только что родившиеся. Крещение — это духовное рождение, человек начинает жить совсем заново. Тут еще сколько лет нужно, чтобы духовно подрасти. Это одному Богу ведомо, все деревья по-разному растут, и мы тоже, наверное, деревья-то разные...

Другое изречение Евангелия гласит: *В терпении вашем стяжите душá вáша* (Лк. XXI, 19). Потерпите — пусть растет! Не бегать, как дети, каждый день смотреть: ну, как там, не зацвело? Подожди еще годик, потом еще годик, еще десять лет... Может, в первый раз цветочки только появились, да и опали. Еще плода-то нет! Потом — один плодик... Да ведь и нельзя, чтобы было много плодов, а то ветки могут сломаться. Если плод сразу дать на яблоню, то, бывает, сук прямо отламывается. Так вот и плод духовный. Если быстро дать человеку какой-то результат, то иногда может что-нибудь сломаться — повредить может свой плод.

Один из последних подвижников благочестия, святитель Игнатий Брянчанинов пишет, что дары Бога: дар молитвы, умиления и другие — это опасные вещи. Они могут повредить человеку. Часто так и бывает. Потому что прежде должен укрепиться главный корень, главный ствол. Что это за ствол? Смирение. Вот тогда ничто не сломается. И второе сегодняшнее Евангелие опять это подчеркивает: *Всяк возносѣйся, смирится; и смиряяйся, вознесетя*. Именно смирение-то и является тем стержнем, тем стволом, который может выдержать любой духовный плод, любые дарования, потому что смирение ничего не приписывает себе, а всё — славе Божией, милости Божией. Смиранный себя считает грешнейшим паче всех, как считали себя все праотцы, отцы, святители, преподобные и все святые, хотя и имели дарования великие.

Вот видите, как в Евангелии всё прекрасно, премудро перекликается — одно дополняет другое, раскрывает.

Апостольские послания — это тоже слово Божие, которое нам передали апостолы.

Смирение сердечное, сознание своей греховности — это и есть самое главное. Оно нужно и для того, чтобы очиститься от грехов, то есть сознать себя грешным, покаяться, и для того, чтобы удержать Божии дарования. Без этого корня не выдержишь ничего. Поэтому на укрепление смирения были направлены все подвиги святых отцов. Они все время следили за тем, чтобы не упустить смирение, чтобы его, более того, возрастить. Один из великих наших подвижников, преподобный Иоанн Лествичник, который собрал премудрость опыта других отцов, говорит, что видел людей, которые спасались, не будучи

особыми постниками и не имея даров чудотворения, прозорливости, но никого не видел, чтоб спасались без смирения.

Вот видите, опять то же самое. Куда ни пойдешь, всё — стук лбом, всё — в смирение. А почему — стук лбом? Потому что гордыня, она выпячивается, натывается на всё. Святые отцы говорят: если ты будешь идти на волну морскую, то тебя так шибанет, что можешь разбиться, выкинет назад. А опытные пловцы ныряют под волну, и она проходит над ними. То есть, смиряются все время. Так вот и в жизни: чем чаще будешь наклоняться, тем меньше будешь получать всяких, как тебе кажется, оскорблений — они тогда будут пролетать мимо.

Один из близких нам подвижников, святитель Феофан, Вѣшенский Затворник, говорит, что причина большей части наших скорбей, и горестей, и несчастий в том, что у нас нет смирения. Вот если бы мы смирились, сознали себя достойными многого, то не расстраивались бы ни от каких трудностей, ни от каких оскорблений. Больше того, мы бы еще радовались: понимали, что оскорбления смиряют нас. Скорби и болезни — святые отцы говорят — смиряют человека, то есть дают ему драгоценную возможность приобретать, укреплять смирение. А если тебя никто не будет оскорблять, то как же тебе стяжать смирение?

Святитель Феофан пишет, что когда ты просишь: *Господи и Владыко живота моего,.. дух целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему*, — то, прося смирения, ты, значит, просишь себе оскорблений, просишь себе каких-то тягот, потому что иначе не смиришься. Тогда и не ропщи,

когда с тобой что-то такое случается — значит, получаешь просимое. А иначе что же ты тогда, смеешься, что ли, над Богом? Просишь: «Господи, смири меня», — а когда Он тебя смиряет, начинаешь роптать: «Да за что же мне, несчастному, да почему это мне?» Как это, за что, почему? А потому, что ты просил. Тебе и дается. Чего же еще? Ты не доволен, что тебе посылается то, чего ты просил? А зачем же ты тогда просишь?

Мы просим только языком. А строй-то душевный у нас мирской, земной. Мы не понимаем даже, чего просим. Мы просим словами святых отцов — они составили молитвы. Например, преподобный Ефрем Сирийский — он-то стяжал дух истинный и выразил его в великопостной молитве, а мы за ним повторяем. Он-то от глубины своей духовной (или от высоты, так можно сказать) это выразил, а мы от своей мелкоты, от своей невысоты духовной этого не понимаем. И когда получаем просимое, начинаем даже роптать и унывать. Вот видите, какой у нас строй-то, не тот.

Отец Сергей в последнее время не много говорил (я вам много говорю-то, толку никакого, конечно), трудно ему было, только повторял: «Душу свою нужно перестраивать на евангельский строй».

Вот евангельский строй этот и нужно в душе своей стараться стяжать. Потому что он тогда нам всё окружающее покажет в правильном свете.

Это же самое — в Евангелии, во всем Священном Писании, у апостолов, у всех святых отцов — одно и то же: смирайся и терпи. Повторяешь, одно и то же вроде получается, но оно в жизни так и есть: одно и то же.

Смирайся... Вот приходят на исповедь — горести приносят. У нас так по мно-огу говорят, много на-

пишут и разговаривают, разговаривают.. (Это с меня, наверно, берут пример — каков поп, таков приход — я много говорю.) Много на исповеди говорят, а толку никакого, конечно. На все на это только одно-два слова можно сказать: смирайся да терпи.

Это так просто. Но это так трудно. Потому что — попробуй смириться, попробуй терпеть-то...

Сегодня вы это уже слышали: *Господи, áще мало есть спасающихся?* А Господь — опять то же самое: *Подвизáйтесь внúти сквозé тесная врата: яко мнози, глаголю вам, взýщут внúти, и не возмогут.* Тесно там — значит, может, и невысоко, значит, нужно нагнуться. Где-то, может, ползти даже, протискиваться. Вот что такое: тесные врата, узкий путь. Это — одно и то же, опять одно и то же: смирайся и терпи. Широты нет. Рванулся туда — сверху что-то получил, не вышло, рванулся сюда — здесь затрещина. Апостол говорит то же: *Всяку рáдость имейте братия моя, егда во искушения впáдаете различна.* Радуйтесь, *ведяще, яко искушение вашей веры соделывает терпение* (Иак. I, 2,3). Это искусство духовное. Уже искусным человек становится, знает, в каких положениях как себя вести. Испытание дает опыт духовный. Но не нужно, конечно, самому лезть. Именно — когда *впáдаете* в испытания, то есть сам стараешься не попадать, а вдруг попал в испытание, как бы попался. Часто как раз так и бывает: хочешь что-нибудь доброе сделать, а тебе — трах по лбу. Хотел, как говорится, от всей души, а получилась неприятность какая-то. Не неприятность, а испытание! Ну что ж, это хорошо...

И опять те же самые мысли выражены святыми отцами прямо по пунктам. Сказано: все дела, дела-

емые ради Господа, сопряжены со скорбями. Это апостольское изречение. А другое изречение звучит даже более категорично: если что-то делаешь ради Бога и никакого искушения нет — это знак того, что Господь твое дело не принял. Когда будешь помнить эту святоотеческую заповедь, тогда, если что-то будешь делать и вдруг что-то получишь за это, какое-то запинание, тогда, если строй правильный, сразу обрадуешься: «Слава Богу!» А то, может, что-то еще и не то делаешь.

А мы вот забываем об этом. Нужно помнить. Поэтому-то я столько раз и повторяю, чтобы всё это проникло, вложилось в сердце, чтобы стало прямо как закон.

Да так оно и есть: в церковь собираешься — начинается то одно, то другое. Сколько раз так бывает: собрался — проехал мимо, не на ту электричку сел. То поезда не ходят, то дома что-то такое... Из церкви пришел — там кто-то из посторонних... И так — всегда. Причащаться собрался — никак не получается: то гости приехали, то кто-то с кем-то поругался, я уж не говорю о всяких внутренних состояниях, помыслах...

То ничего никак вспомнить не можешь, а как молиться начинаешь, сразу память работает идеально: и то вспоминаешь, что нужно сделать, и то, что забыл уже давно...

В общем, все, что по-Божьему сделать стараешься, не может быть без искушения. Значит, на правильном пути.

Некоторые смущаются, жалуются: «Что-то у меня ничего не получается». Вот это как раз — то самое: оно и не должно получаться. Потому что если получается, значит, тебе никто не мешает, значит, что-то не

то получается, значит, ты в том ложном духовном состоянии, которое святые отцы называют прелестью.

Вот видите, сколько утешения-то в нашей жизни! Там, где мы унываем, мы должны бы радоваться.

Постараемся хотя бы не унывать, если не сразу уж радоваться-то, когда будут нас посещать искушения. А главное, помнить: если лишний раз смиришься, ничего страшного, не бойся. У нас очень уж бояться свое потерять: «Если я уступлю в чем-то, смирюсь, то не смогу свое нужное дело доделать...» Об этом у святых отцов сказано: если какое-то дело делаешь, но не в том духе, то, даже если оно и доброе, но ты настоял на своем, несмотря ни на что, прешь его на себе в остервенении каком-то, — то ты одну восьмую сделал, а семь восьмых потерял.

Результат дела, собственно говоря, зависит не от нашего усердия. Мы должны трудиться и обязаны, без труда ничего не возможно, но результат все равно не от нас: *Аще не Господь созиждет дом, всуе трудяшася зиждущие; аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий* (Пс. СХХVI, 1). То есть, каждое дело Божие, даже каждое дело земное и простое, если Господь не поможет, если Господь не вразумит, будет без результата.

Поэтому все время нам должно сопутствовать смирение. То есть, мы должны делать, но не думать, что мы что-то сделали. Если что-то и делается, то это Господь делает. Ведь в высшем смысле (это трудно постигнуть, это уже очень высоко, даже опасно прикасаться к таким вещам) никто ничего не может сделать, если Господь не даст ему. Если не дал тебе Господь способностей, то ничего не поделаешь. Ведь если не соображаешь — не сообразишь. Если нет спо-

собностей к рукоделию (есть некоторые рукодельные люди), ты — шлеп по пальцу себе, и больше ничего не сделаешь. Вот не дал таланта Господь — и всё. Разве мы сами себе выбираем способности? Не выбираем, мы такими рождаемся. И каждый, с самого детства: один ловкий, а другой — нет, никак ничего у него не ладится, всё валится из рук. В чем же дело? Значит, в основе всего — дар Божий. Без Бога не до порога. И никто ничего не может сделать, какой бы он ни обладал властью, если Господь не поможет.

В Евангелии есть Ирод — царь. Господу, помните, пришли и сказали: *Ирод хочет Тя убить...* Господь говорит: *Шёдше рцѣте лѣсу тому: се, изгоню бѣсы и изцеления творю днес и ўтре, и в третий скончаюся* (Лк. XIII, 31,32). Три дня разве недостаточно было Ироду, чтобы Христа убить? Три дня, наверно, достаточно было, чтобы всю Иудею проехать. Много ли там... И ничего Ему Ирод не сделал. А Пилат? У него была от римлян власть прокуратора, выше, чем у Ирода. Хотел отпустить, а подписал: казнить. Вот тебе и власть. Результат — от Бога. Что Господь даст — то и будет.

Поэтому и святые отцы всё, что ни случалось, принимали как попущение, посланное прямо от Бога. И говорили, как святитель Иоанн Златоуст: «Слава Богу за всё!»

Аминь.

31 декабря 1983 г.

